

Н. Попова

И АЗ ВОЗДАМ

RUGRAM

Москва
2024

УДК 82-312.9

ББК 84.4

П58

Попова Н.

П58 И аз въздам / Н. Попова — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 634 с. — (Конгрегация).

ISBN 978-5-517-11779-3

Германия, 1401 A.D. Инквизитор Курт Гессе, лучший следователь Конгрегации, живая легенда, пример для подражания молодежи и гроза malefikov... Он уже устал это слышать и перестал с этим спорить, хоть и уверен в том, что славы своей не заслужил. Но разве начальству что-то докажешь? Поэтому, получив очередное задание, проще не возражать, а направиться, куда велено. Тем более, что на сей раз это дело принципа, дело чести: убит инквизитор. А такое нельзя оставить безнаказанным.

BIC FM

BISAC FIC009000

© Надежда Попова, текст, 2022

© Анастасия Белецкая, обложка, 2022

© РИПОЛ классик, оформление, 2024

© RUGRAM, оформление, 2024

© Т8 Издательские технологии, 2024

ISBN 978-5-517-11779-3

*Автор выражает благодарность
Надежде Шолиной,
доценту кафедры всемирной литературы НГПУ им. К. Минина,
за помощь в блуждании
по дебрям латинских падежей.*

*...mea est ultio et ego retribuam in tempore
ut labatur pes eorum iuxta est dies perditionis
et adesce festinant tempora¹.*

(De.32:35).

ПРОЛОГ

Летний воздух Гельвеции, чистый, звенящий, тепел даже ночью, когда небесный свод укутывается тьмою с частой россыпью звезд, и лишь легкая свежесть нет-нет, да и охладит щеки, если подует невесомый, едва заметный ветерок. Если неспешно брести по свежей, сочной, как спелый плод, траве, любуясь красотой, сотворенной Господом, можно вдыхать полной грудью и этот воздух, и, мнится, даже запахи снега с далеких ледников.

Но если бежать, бежать изо всех сил, чувствуя, что того и гляди отнимутся ноги, что мышцы, кажется, вот-вот лопнут, как перетертая веревка — тогда воздух жжет легкие, а дыхание обдирает горло, словно точильный камень. Ноги запинаются, и каждый шаг по каменистой жесткой земле превращается в пытку, перед взором стоит пелена, не давая видеть путь, а вместо ночной тиши слышится звон и шум крови в ушах. Споткнувшись и упав, надо подняться, невзирая на то, что любое движение отзывается жаркой болью, и бежать дальше, не оглядываясь, не мешкая, выжимая из себя последние силы...

То, как стрела входит в тело, поначалу почти не чувствуется; просто что-то толкает в спину, сбивая равновесие, дыхание перехватывает, и лишь потом приходит боль — на вдохе. Подкашиваются ноги, и тело падает на колени, руки упираются в прохладную траву, и от удара ладонями в землю боль в груди взрывается горячими острыми осколками, разрывая легкие и мешая дышать. Сквозь туманную мглу в глазах видно древко стрелы, прошившей тело насквозь — темное, влажное от

¹ У Меня отмщение и воздаяние, когда поколеблется нога их; ибо близок день гибели их, скоро наступит уготованное для них (*лат.*) (Втор.32:35).

крови; видно, как сбегает крупные капли к кончику и там исчезают, не падая наземь, будто холодный гладкий металл вбирает их в себя, точно губка. Но, быть может, это уже бред — бред умирающего сознания, последнее, что удастся увидеть перед тем, как упасть на траву и больше не шелохнуться...

И вновь тишина, не нарушаемая ни топотом ног, ни надсадным дыханием, и луна, яркая, точно забытый на столе светильник, равнодушно озаряла пустые холмы и неподвижное тело в траве. Протянулась и истекла долгая, как вечность, минута, миновала вторая, третья, и из темноты донесся далекий звук шагов — неспешных, спокойных, и можно было бы подумать, что это кто-то мучимый бессонницей вышел на свежий воздух, однако до ближайшего жилища по меньшей мере час пути таким вот безмятежным шагом...

Человек, явившийся из темноты, приблизился к убитому и остановился, в задумчивости легонько покачивая луком в руке. Несколько мгновений он стоял не шелохнувшись, потом наклонился и, упершись в мертвеца ногой, выдернул стрелу.

ГЛАВА I

В коридорах было тихо и почти безлюдно, лишь однажды навстречу попался сосредоточенный хмурый инквизитор. С Куртом он поздоровался, назвав его по фамилии; лицо показалось смутно знакомым, однако имени собрата по служению вспомнить не вышло, посему Курт лишь приветственно кивнул, на ходу пробормотав неразборчивое. Лишь когда следователь остался далеко позади, вспомнилось расследование три или четыре года назад; Нюрнберг... или Аугсбург?... или Франкфурт... Сколько их было, городков и городов, в которые забрасывала судьба и начальственная воля...

У тяжелой двери за поворотом Курт остановился, глядя на двух далматинцев, лежащих у порога. Завидя его, псы поднялись с места, молча, без лая или даже рыка сделав шаг навстречу; он протянул к ним открытые ладони, затянутые в потертые кожаные перчатки, и терпеливо дождался, пока собаки обнюхают его руки и пыльную, пропитавшуюся солнцем одежду.

— Благодарствую, — произнес Курт насмешливо, когда далматинцы нехотя, будто исполняя какой-то обязательный, но давно наскучивший ритуал, вяло махнули хвостами и отступили назад, давая ему пройти.

— ... и так всегда, — успел услышать он, открыв дверь, и голоса внутри смолкли.

Курт приостановился на мгновение, окинув быстрым оценивающим взглядом людей у стола. Кардинал Сфорца явно физически утомлен и морально вымотан; изборожденное глубокими морщинами лицо осунулось и со времени прошлой встречи явно похудело. Без малого восемь десятков лет — не шутки, а когда приходится держать на собственных плечах громаду Конгрегации — удивительно, как до сих пор старик еще держится, даже учитывая тот немаловажный факт, что половину забот папский нунций уже сгрузил на преемника... Преемник, к слову, тоже не в лучшем виде: взгляд мрачный, лоб нахмуренный, под глазами заметные круги, да и в целом Антонио Висконти, каковой младше майстера инквизитора на семь лет, выглядит сейчас как хорошо потренированный жизнью следователь после недели оперативной работы. Да и Бруно, сидящий чуть в сторонке, одарил вошедшего взглядом тяжелым, точно скала, и таким усталым, будто за последние пару суток духовник не спал, не ел и даже не присел ни на минуту...

— И что же «всегда»? — осведомился Курт, переступив, наконец, порог, и прикрыл дверь за собою.

— Всегда опаздываешь, Гессе, — недовольно отозвался Висконти и, вздохнув, кивнул: — Не стой караулом, садись, коль уж соизволил почтить нас своим присутствием.

— Я не могу опаздывать, — возразил Курт; помедлив, подтянул к себе табурет, уселся и вытянул гудящие ноги под столом. — Я не член Совета, и ваши заседания меня, вообще говоря, не касаются.

— Ты *агент* совета, — возразил итальянец хмуро. — И посему, когда я говорю, что ты должен быть здесь — ты должен быть здесь. Желательно в назначенный день и желательно — позабыв привычку врываться на заседание, распахивая дверь пинком.

— Клевета, — фыркнул Курт. — Это было лишь однажды, и то — потому что я спешил, а руки были заняты. И вот, вместо того, чтобы вынести мне благодарность за невиданную добычу и, быть может, даже выписать премию...

— К слову, книги он тогда притащил и впрямь уникальные, — заметил кардинал, и Висконти вздохнул:

— Да. Вынужден признать, дон Сфорца. Какие бы порицания я ни возводил на него, а работу Гессе исполняет должным образом.

— И даже сверхдолжным, я бы сказал, — усмехнулся Бруно, взиравший на эту короткую перепалку со скучающим видом. — Рад видеть тебя живым и даже целым, Курт. В твоём случае это явление уникальное.

— Что задержало? — спросил Висконти уже серьезно, дозволяюще кивнув на винный кувшинчик посреди стола, и Курт с готовностью придвинул его к себе вместе со стаканом духовника. — Судя по тому, что ты не потрепан, не ранен, не явился сюда при последнем издыхании на лекарьских носилках по своему обыкновению — дело для разнообразия завершилось благополучно?

— Дела и не было, — отозвался он, наливая себе на самое донышко; поднес стакан к губам, помедлил и, не отпив, поставил его снова на стол. — Снова не по нашей части.

— Но ты задержался, — повторил Висконти; Курт кивнул:

— Пришлось.

— Мы уже достаточно заинтригованы, — заверил его Бруно, пригласительно поведя рукой: — Прошу. Вещай.

— Малефиции не было, — все-таки отпив глоток, отозвался он. — Новобрачная баронесса невинна, как овечка, новобрачный супруг-барон счастлив, свекор-барон доволен, детки-барончики... Родятся — там и поглядим, насколько будут невинны и счастливы. Баронское

семейство в полном составе просило передать руководству Конгрегации благодарность, что я и делаю.

— Подробности?

— Подробности излагаю. Лет двенадцать-тринадцать назад сосед этого вашего барона, тоже, что характерно, барон, ввязался в междоусобицу со своим соседом, тоже бароном. Точнее — он ее сам и затеял: земли от императорского ока далекие, свои владения — крохотные, у соседа — не просто большие, а еще и выгодно расположенные (пахота, пастбище, лес). Земли мало, баронов много, вопрос решается просто. К тому же, у зачинщика одиннадцать сыновей, а у соседа — один, да и тот малолетний. Все говорило, что победа будет легкой, а добыча солидной. Но — увы, не рассчитал. Сосед не стал отбиваться: он решил напасть. Для чего и пригласил наемников, которым не только заплатил за работу, но и обещал в случае взятия замка беспокойного многодетного папы сей замок на разграбление. Что, собственно, и случилось. Замок взяли, владельца убили. Особо замечу, что наемников сосед вел сам, замок защищал вместе с ними; это важно. Итак; замок разграбили, сыновей вырезали до единого, и единственный, кто остался в живых из семьи зачинщика — дочка лет четырех. Имение ее папеньки без затей присвоили, но дочку убивать не стали — видно, на девчонку рука не поднялась — а не мудрствуя лукаво подарили каким-то крестьянам. Те люди были небедные, набожные, поэтому ребенка приняли. Она с годами все забыла и жила в уверенности, что растет в родном доме.

— Как я понимаю, это предыстория подозреваемой? — уточнил Висконти хмуро. — И приемные родители об этом не рассказали даже ее будущему мужу?

— Твой приятель-барончик намеревался взять в жены красавицу с приданым, — пожал плечами Курт. — Какое ему дело до того, что у нее за спиной?

— Такие браки, — возразил итальянец мрачно, — баронский сын и крестьянка — не столь уж часто совершаются открыто в наше время, и я бы тебя попросил следить за словами, Гессе. Михаэль — глубоко верующий, добросердечный и образованный парень, и он смотрел не на приданое, а на Эльзу.

— Пусть на Эльзу, — согласился Курт. — Красавица, умница, рукодельница, девственница. *С приданым*. Не все ли ему равно, что у нее в прошлом, при таких-то данных?.. Впрочем, — сам себя оборвал он, — это было бы верно, если б то самое прошлое не возникло внезапно и все не испортило. Когда справляли свадьбу, в замок съехались халявщики... прошу прощения, знатные гости, дабы урвать, что удастся... прошу прощения, разделить радость с новобрачными и родителями.

И вот среди гостей обнаружился тот самый сосед, чьи наемники перебили братьев нашей девочки. Эльза, как я уже говорил, все случившееся забыла, но увидела лицо человека, который вырезал ее семью — и что-то у нее в голове щелкнуло. Воспоминания не пришли, но что-то начало прорываться из глубины памяти. Ночью после празднования ей снились сперва кошмары, а после — привиделось явление Ангела.

— Ангела, — уточнил Бруно недоверчиво-напряженно; Курт невесело улыбнулся:

— Ты слышал про Ангела, но пропустил слово «привиделось». Похоже, что во сне смешались обрывки воспоминаний, Писание, сказки, легенды — словом, все сварилось в одном котле, и получилось неудобоваримое блюдо, из-за которого и весь сыр-бор, из-за которого мне пришлось тащиться за тридевять земель к приятелю нашего Висконти и торчать там почти три недели.

— Не томи, — подстегнул Сфорца; Курт кивнул:

— Слушаюсь... Эльзе явился Ангел и рассказал, что прежде она жила в прекрасном дворце с прекрасным отцом и прекрасными братьями, которых заколдовала злая колдунья, завидующая красоте и набожности их семьи. Колдунья превратила братьев в одиннадцать прекрасных лебедей, и сейчас они летают где-то в северных землях (не спрашивайте, не знаю, почему именно там), но вскоре вернуться, чтобы увидеться с любимой сестрой. Вернуться они должны были, если точнее, осенью. И вот, сказал ей Ангел, чтобы расколдовать их, надо нарвать волшебной крапивы...

— «Волшебной крапивы»? — переспросил Бруно; Курт усмехнулся:

— А чем волшебная крапива хуже волшебной же свечи из жира повешенного? Я бы сказал, она даже лучше. Уж *pro minimum* выглядит и пахнет всяко приятнее... Так, стало быть, Эльзе полагалось нарвать крапивы, размять в волокно, ссучить нить — и из нее сплести одиннадцать рубашек; если надеть их на лебедей, сказал Ангел, те превратятся в людей снова. Причем, годится на это не всякая крапива, а именно кладбищенская или та, что растет на земле ее отца. Но что главное — рассказывать об этом никому нельзя, иначе братья погибнут «в тот же миг». А дальше и начинается самое интересное. Поскольку до «земли отца» далеко, а кладбище близко, наша Эльза стала навещать туда ночами, а вечером или днем, когда никто не видел, давила и сучила крапиву в одной из нежилых комнат. Служанки ее любили — девица мягкая, добрая, веселая... была; кто-то ее откровенно прикрывал, кто-то делал вид, что ничего не замечает, но со временем странности стали все очевиднее, твой приятель начал замечать, что руки у его женушки в волдырях, а уж когда он проследил ее до кладбища...